



оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ahcxgn>

Объединенный Совет трудовых коллективов Приднестровья: причины и предпосылки возникновения

Ерицян Инга Нелсиковна

Байкальский государственный университет, Россия, Иркутск

eLibrary Author SPIN: 7049-4110

<https://orcid.org/0009-0004-3462-0846>

eritsyan.inga@mail.ru

Аннотация: Научная актуальность представленного исследования обусловлена необходимостью обобщения и систематизации знаний о причинах и предпосылках возникновения Объединенного Совета трудовых коллективов Приднестровья. Противостояние политике насилиственной румынизации берет свое начало во второй половине 1980-х гг. в лице Советов трудовых коллективов заводов и предприятий Приднестровского региона. Идея о необходимости создания единого органа, которому будет делегировано право представлять и отстаивать международные интересы Советов трудовых коллективов, стала следствием социально-политической мобилизации населения, которой предшествовал ряд предпосылок. Применение историко-сравнительного метода позволило подтвердить выдвинутую гипотезу о том, что в регионах-донорах социалистических республик, сталкивающихся с дискриминационной политикой центра, мобилизуются социально-политические движения с целью отстаивания своих интересов. В рамках историко-сравнительного анализа были рассмотрены приднестровский и словенский кейсы, где имели место общие категории предпосылок социально-политической мобилизации населения республик-доноров. Вместе с тем при схожести выделенных категорий отмечаются причины их содержательных и хронологических отличий. Так, в Словении социально-политическая мобилизация носила затяжной характер (с 1950-х гг.), а консолидирующую идею выступало желание обеспечить национальную эмансипацию в рамках федерации. В Приднестровье интенсивность социально-политической мобилизации (1988–1989 гг.), обусловленная радикальной форсированной политикой центра, строилась вокруг социалистических гражданско-идеологических ценностей. Важный вклад в социально-политическую мобилизацию Словении и Приднестровья внесли местные элиты и трудовые коллективы. В результате историко-сравнительного анализа выявлено, что радикальная националистическая политика центра, дестабилизирующие законодательные инициативы, неравномерное экономическое развитие регионов и непропорциональное распределение между ними ресурсов в своей общей совокупности выступают в качестве предпосылок социально-политической мобилизации населения республик-доноров, которая приводит к открытому противостоянию центральной власти.

Ключевые слова: Объединенный Совет трудовых коллективов, Народный Фронт Молдовы, румынизация, югославизация, республиканизм, языковая политика, Приднестровье, Молдавская ССР, Словения

Цитирование: Ерицян И. Н. Объединенный Совет трудовых коллективов Приднестровья: причины и предпосылки возникновения. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 1124–1141. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1124-1141>

Поступила в редакцию 23.03.2025. Принята после рецензирования 25.06.2025. Принята в печать 30.06.2025.

Ерицян И. Н.

Объединенный Совет трудовых коллективов



full article

United Work Collective Council of Transnistria: Causes and Background

Inga N. Yeritsyan

Baikal State University, Russia, Irkutsk

eLibrary Author SPIN: 7049-4110

<https://orcid.org/0009-0004-3462-0846>

eritsyan.inga@mail.ru

Abstract: The United Work Collective Council of Transnistria remains a relevant but understudied topic. It started as a reaction to forced Romanianization in the 1980s at workers' unions at factories and enterprises. A single body to represent the international interests of all collectives was a logical consequence of the socio-political mobilization. The research hypothesis was as follows: the donor regions that faced with discriminatory centrifugal policies had to mobilize their socio-political movements to defend their interests. The author applied the method of historical and comparative analysis to the cases of Transnistria and Slovenia, which shared the same prerequisites for socio-political mobilization. However, the cases had substantive and chronological differences. In Slovenia, the socio-political mobilization was protracted and started as early as in the 1950s; the consolidating idea was to achieve national emancipation within the federation. In Transnistria, the intensity of socio-political mobilization (1988–1989) was caused by the radical centrifugal policy; the civic and ideological values were the consolidating idea. Local elites and labor collectives contributed to the socio-political mobilization both in Slovenia and Transnistria. The radical nationalist policy, destabilized legislative initiatives, uneven economic development, and disproportionate distribution of resources triggered the socio-political mobilization in the donor republics, which eventually resulted in open confrontations with the central government.

Keywords: United Work Collective Council, Popular Front of Moldova, Romanianization, Yugoslavization, republicanism, language policy, Transnistria, Moldavian SSR, Slovenia

Citation: Yeritsyan I. N. United Work Collective Council of Transnistria: Causes and Background. *SibScript*, 2025, 27(6): 1124–1141. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1124-1141>

Received 23 Mar 2025. Accepted after peer review 25 Jun 2025. Accepted for publication 30 Jun 2025.

Введение

Идеологический раскол в Молдавской Советской Социалистической Республике, обусловленный противостоянием пропагандируемых идей румынизации Народным Фронтом Молдовы (НФМ) и интернациональных ценностей, поддерживаемых Объединенным Советом трудовых коллективов (ОСТК), нашел свое подробное изучение во множестве отечественных и зарубежных трудов. Как правило, образование ОСТК связывают с учреждением НФМ, ставшего ведущей политической силой национал-радикального толка, чья политика привела к расколу в молдавском обществе. С одной стороны, действительно, ОСТК противостоял политике НФМ, но с другой – цель создания была обусловлена стремлением противостоять румынизации молдавского населения, которая началась существенно раньше учреждения НФМ.

В отечественной и зарубежной историографии отслеживается динамика изменений восприятия де-факто государств постсоветского пространства, которую в существенной степени определяет мировая политическая конъектура. Длительный период де-факто государства рассматривались через призму вопросов признания, конфликтогенности и интересов внешних акторов. С 2000-х гг. отмечается появление работ, связанных с изучением как институциональных процессов, так и социально-политических причин, предпосылок конфликта, рассматриваемых отдельно в каждой из де-факто республик, в том числе и Приднестровской Молдавской Республике. Отечественные исследователи В. А. Колесов и Д. В. Заяц внесли важный вклад в историографию приднестровского конфликта. Их работа, выходящая за рамки политизированности, относится

к числу первых комплексных исследовательских работ, сочетающих в себе методы исторического анализа, социологии идентичности и политической географии [Колосов, Заяц 2001]. Труды молдавского историка П. М. Шорникова занимают центральную роль в изучении языковой политики и этнических конфликтов в Молдавии [Шорников 2007a; 2007b]. Попытки переосмысления румынистского течения с учетом исторических особенностей развития русского языка в регионе отмечаются в работе Ч. Кинга [King 1994], которая, как и у работы П. М. Шорникова, оппонирует устоявшимся унионистским интерпретациям молдавской истории. Отечественный исследователь Н. И. Харитонова отмечает ряд социально-политических и экономических предпосылок, способствующих конфронтации между Кишиневом и Приднестровским регионом, но основной акцент делает на прогрессирующую румынистскую политику [Харитонова 2008]. Вместе с тем иные предпосылки обозначены весьма тезисно.

Восполняет необходимость анализа социокультурного измерения Молдавии статья Т. В. Букиной [Букина 2013], а экономические аспекты, связанные с общим кризисом советской хозяйственной системы, в которой усиливается роль трудовых коллективов, достаточно подробно и аргументированно отражены в работах [Бехтерев 2013; Заславская 1991; Заславская, Рывкина 1991]. Уникальное место в историографии Приднестровья занимает работа профессора Н. В. Бабилунга, одного из основоположников исторической науки в де-факто Приднестровье, которая охватывает хронологический период от древнейших времен до современности [Бабилунга 2015]. Особый интерес вызывают разделы, раскрывающие развитие промышленного потенциала левого берега Днестра и социально-экономические проблемы, которыми был обременен регион-донор.

Аналогичные процессы хорватские историки А. Габрич и З. Чепич [Габрич, Чепич 2001] отмечают в Югославии, где Словения как регион-донор расширила свои требования от большей автономии до демонтажа федеративных структур. Начало югославских экономических реформ и их последствий раскрывается в работах Ю. В. Шахина [Шахин 2020], К. В. Никифорова [Никифоров 2011], которые дополняются исследованием внешних и внутренних предпосылок и причин децентрализации в трудах Ю. Э. Демьянович [Демьянович 2018; 2019]. Стоит отметить, что, рассматривая параллельно

словенский и приднестровский кейсы, можно увидеть последний в рамках более широких тенденций децентрализации социалистических стран.

Многоаспектный анализ места и роли ОСТК в приднестровско-молдавском конфликте представлен в статье Г. Е. Слободянюк [Слободянюк 2016]. Исследование восполняет необходимые знания о роли рабочего класса, мобилизации трудовых коллективов и их последующей институциональной трансформации, что также раскрывается в работе М. Н. Кушакова и Я. О. Галинского [Кушаков, Галинский 2018]. Ю. С. Ульянова поэтапно раскрывает процесс трансформации НФМ из движения, ориентированного на перестройку, в ведущую национально-политическую силу Молдовы, и, как следствие, его влияние на институциональные изменения страны [Ульянова 2017].

Переосмысление, сочетающее в себе комплексный подход при анализе причин и предпосылок развития приднестровского конфликта, имеет место в более современных трудах отечественных исследователей. Так, А. С. Вергузь раскрывает социальные, политические и экономические факторы, тем самым показывая, что румынизированная политика Кишинева – лишь одна из множества предпосылок конфликта [Вергузь 2022]. Важный вклад в историографию развития региона вносит ретроспективный анализ формирования этнических особенностей и разнородности между правым и левым берегами Днестра, раскрывающий, как веками формировались и трансформировались этнополитические особенности региона. В работе И. А. Войта сохраняется, как и в работе Н. В. Бабилунга, приверженность подходу преемственности государственности Приднестровья от бывшей Молдавской ССР [Войт 2023]. Поскольку работа относится к исследованиям нового поколения, акцентируя внимание на языковой политике, автор делает ставший популярным сравнительный анализ с де-факто государствами постсоветского пространства. Однако, отмечается, как и для большинства работ приднестровских исследователей, дефицит молдавских источников.

Обратная ситуация наблюдается и в работах молдавских исследователей, перегруженных политизированными оценками приднестровско-молдавского конфликта, например [Musteață 2023; Rotaru 2023]. Анализ приднестровского конфликта в западном дискурсе более длительный период был сосредоточен на аспектах конфликтологии, политики либо

Ерицян И. Н.

Объединенный Совет трудовых коллективов



интересов ведущих держав. Новый подход к анализу постсоветских конфликтов отмечается в трудах Я. Зофка [Zofka 2016] и К. Харингтон [Harrington 2023], концентрирующих свое внимание на роли промышленного потенциала региона, неудовлетворенности социальных потребностей населения как предпосылок политизации конфликта.

Однако отсутствуют работы, обобщающие и систематизирующие знание о причинах и предпосылках возникновения Объединенного Совета трудовых коллективов. Данная проблема предопределила цель исследования – выявить причины и предпосылки создания Объединенного Совета трудовых коллективов. Рабочая гипотеза: в регионах-донорах социалистических республик, сталкивающихся с дискриминационной политикой центра, мобилизуются социально-политические движения с целью отстаивания своих интересов.

Методы и материалы

Для проверки гипотезы были применены причинно-следственный анализ связей между историческими событиями и историко-сравнительный анализ. Объектами сравнения выступили Молдавская ССР и Югославия. Выбор югославского кейса обусловлен тем, что Социалистическая Федеративная Республика Югославия относится к числу социалистических государств, где отмечается наиболее раннее проявление центробежных процессов, связанных с регионом-донором, которым выступила Социалистическая Республика Словения. Приднестровье также выступало донорским регионом для всей Молдавской ССР. Массовая социально-политическая мобилизация населения Приднестровского региона и Словении происходит в период 1980-х гг. Радикализация политики центра выступила одной из множества предпосылок социально-политической мобилизации населения как в Приднестровье, так и в Словении. Для Приднестровского региона итогом такой социально-политической мобилизации стало создание Объединенного Совета трудовых коллективов, а в Словении сформировалась группа словенских реформаторов, ориентированных на децентрализацию. Применение причинно-следственного анализа

между историческими событиями способствовало целостному изучению общественной реальности в Молдавской ССР и Югославии в общем, а также в Приднестровском регионе и Словении в частности.

Источниковую базу составили документы государственных (советских) органов Приднестровья:

- Обращение X сессии Тираспольского Совета народных депутатов к Президиуму Верховного Совета Молдавской ССР от 23 мая 1989 г., опубликованное в тираспольской газете «Днестровская правда», осуждало законопроект о языках, призывая через введение двух государственных языков обеспечить на территории Молдавской ССР «гарантии против ущемления прав граждан других наций и народностей, исключать всякие привилегии одного языка над другими, используемыми населением Молдавии»¹.

- Решение II внеочередной сессии Тираспольского Горсовета от 14 августа 1989 г. о проектах законов МССР о статусе государственного языка Молдавской ССР и функционировании языков на территории Молдавской ССР, которое содержало требования по проведению всенародного обсуждения законопроектов о языках: «в городских, районных, поселковых и сельских Советах народных депутатов, во всех трудовых коллективах»², без которого 29 августа 1989 г. не может быть проведена сессия Верховного Совета Молдавской ССР. Аналогичное содержание было и в решении X сессии Бендерского городского Совета народных депутатов от 29 августа 1989 г. о проектах законов МССР о статусе государственного языка Молдавской ССР и функционировании языков на территории Молдавской ССР, опубликованное в местной газете «Победа». Вместе с тем по итогам Решения сессии предлагалось изложить статью в законопроекте о языках на территории Молдавской ССР в следующей редакции: «Государственными языками Молдавской Советской Социалистической Республики являются молдавский и русский языки, которые действуют на равных в политической, экономической, социальной и культурной жизни»³.

- Решение внеочередной XII сессии Тираспольского Горсовета от 14 августа 1989 г. в продолжение языковой повестки осуждало сохранение

¹ Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника. Т. 1. Документы государственных (советских) органов Приднестровья, сост. и отв. ред. В. Ф. Грызлов. М.: ЦИМО ИАЭ РАН, 1997. С. 81.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 84.

антиконституционных статей в законах о языках, принятых на XIII сессии Верховного Совета Молдавской ССР, которые противоречили Конституции Союза ССР, Конституции МССР, другим законам СССР и МССР: «местным Советам народных депутатов, трудовым коллективам отказано в праве самостоятельно решать вопросы выбора языка делопроизводства, рабочего языка и языка мероприятий. В законе ущемлены права родителей всех национальностей на свободный выбор языка обучения своих детей»⁴. Решение было опубликовано 9 сентября 1989 г. Примечательно, что уже в рамках XII внеочередной сессии Тираспольского Горсовета «О мерах по реализации законов "О статусе государственного языка Молдавской ССР", "О функционировании языков на территории Молдавской ССР"» было определено «оказать гражданское неповиновение и приостановить действие на территории Тираспольского городского Совета народных депутатов ст. 70(1) закона "О статусе государственного языка Молдавской ССР", а также статей 1, 3, 4, 7, 9, 12, 13, 19, 24, 26, 30 закона "О функционировании языков на территории Молдавской ССР"»⁵.

- Резолюция митинга рабочих, ИТР и служащих Молдавского производственного объединения «Точлитмаш» (в составе Тираспольского завода литеийных машин имени С. М. Кирова, СКБТЛ, ТИРП, РСУ) от 11 августа 1989 г. По итогам Решения был создан Объединенный Совет трудовых коллективов, уже на первом заседании которого 14 августа 1989 г. осуждалась языковая политика, и ОСТК брал на себя ответственность «за поддержание общественного порядка и дисциплины на производстве, обеспечение нормальной жизни населения города в период обострившейся обстановки»⁶, что было закреплено в «Обращении Объединенного Совета трудовых коллективов Тирасполя к XI сессии горсовета», впоследствии опубликованном 17 августа 1989 г. в тираспольской газете Днестровская правда.

Дополнительно важными для данного исследования стали сведения Государственного комитета СССР по статистике «Национальный состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.».

Результаты

Среди зарубежных исследователей распространено мнение, что причиной создания ОСТК явилось желание директоров заводов и предприятий Приднестровья получить полный контроль над ресурсами региона, выступив против партийного руководства и кишиневской элиты, для чего и требовалось создание такого консолидированного политического объединения, как ОСТК, впоследствии ставшего инструментом в реализации амбиций «сепаратистских элит» [Zofka 2016: 826]. Первый президент Молдовы М. И. Снегур считает, что советское руководство поощряло «приднестровский сепаратизм», что «так Горбачев пытался наказать отделившуюся от Союза Молдову» [Дубнов 2024: 305]. Но с тем ошибочно считать социально-политическую мобилизацию русскоязычного населения следствием вмешательства «руки Кремля», так же как и определять ее в качестве «результата циничной манипуляции со стороны промышленной управляемой контэрэлиты»⁷ [Solonari 2023: 499]. Рабочие, инженерно-технические работники и интеллигенция объединились в протестное движение против румынизированной политики власти [Слободянюк 2016: 44].

Разделяя позицию профессора В. М. Зубка относительно вторичности внешних предпосылок по отношению к внутренним в формировании поведения советских элит и контэрэлит [Zubok 2021: 20], представляется важным отдельное изучение влияния внешних предпосылок на социально-политическую мобилизацию в социалистических республиках-донорах. Вместе с тем представленная работа выступает в качестве попытки выявить внутренние предпосылки социально-политической мобилизации населения в социалистических республиках-донорах. В качестве основной причины создания ОСТК рассматривается необходимость координации действий Советов трудовых коллективов в противостоянии национал-радикальной политики прорумынской интеллигентии и Народного Фронта Молдовы.

Создание ОСТК стало следствием социально-политической мобилизации населения Приднестровского региона, которой предшествовал ряд предпосылок. В рамках историко-сравнительного

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника. Т. 4. Документы общественно-политических объединений Приднестровья, автор-сост. В. Ф. Грызлов, ред. М. Н. Губогло. М.: ЦИМО, 1999. С. 52.

⁷ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

Ерицян И. Н.

Объединенный Совет трудовых коллективов



анализа в рассматриваемой социалистической Словении социально-политическая мобилизация способствовала формированию словенских реформаторов, противостоявших политике централизации сербской партийной номенклатуры. Аналогично приднестровскому кейсу, массовой социально-политической мобилизации населения Словении предшествовал ряд предпосылок. Ниже представлены группы предпосылок социально-политической мобилизации населения Приднестровского региона и Республики Словения.

Национально-этнические предпосылки

Л. В. Остапенко и И. А. Субботина, анализируя динамику изменения численности этнического состава Молдавии за 1959–1989 гг., в который входили молдаване, украинцы, русские, татары, болгары и евреи, отмечают, что в рамках рассматриваемого периода наблюдается рост численности молдаван, украинцев и русских. Изменение численности и национального состава исследователи связывают с «различиями в естественном приросте этнических групп, этнотрансформационными процессами (сменой этнического самосознания у части украинского населения на русское, широким выбором русской национальности в качестве своей семьи от браков русских с представителями других национальностей, населяющих Молдавию), а также интенсивными внешними миграционными перемещениями... Этническая дифференциация в темпах прироста численности жителей в Молдавии привела к определенным изменениям этнического состава населения, снижению удельного веса одних и повышению доли других национальностей» [Остапенко, Субботина 2011: 92]. По данным Всесоюзной переписи, численность населения в Молдавской ССР составила 4 млн 338 тыс. человек, из которых преобладавшие этнические группы составили: молдаване – 2794749 человек, украинцы – 600366 тыс. человек, русские – 562069 тыс. человек⁸.

«Своеобразный приднестровский менталитет, отвергающий любые формы нетерпимости, одномерности, корпоративно-этнической замкнутости, складывался на протяжении двух столетий» [Скворцова и др. 2021: 435]. Этнодемографический фактор стал предопределяющим в формировании региональной идентичности среди населения Приднестровья. По данным Всесоюзной переписи

населения 1989 г., национальный состав левобережья Днестра: молдаване – 39,9 %, русские – 25,4 %, украинцы – 28,3 %, другие национальности – 6,4 %. Доля жителей Приднестровья вместе с г. Бендери (138 тыс. человек) в общей численности населения Молдавской ССР составила 740 тыс. человек [Бомешко 1997: 35]. Фактическое равенство в численности молдаван, русских и украинцев стало основой для формирования будущей региональной приднестровской идентичности. Выделяются исторические, политические и социально-экономические взаимосвязанные факторы, обусловившие этническую разнородность Приднестровья: экономико-географическое пограничное положение между славянской и романской цивилизациями; длительное развитие в составе Российской империи (конец XVIII – 1917 г.); 1924–1940 гг. – составная часть Украины; с 1940 г. до провозглашения независимости – часть Молдавской ССР; строительство крупных экономических объектов в 1950–1980-е гг., что содействовало иммиграции специалистов из республик Союза [Кривенко, Фоменко 2019: 79]. В силу отсутствия преобладающей этнической группы, способной претендовать на безусловную гегемонию, акцент в Приднестровье смешен на гражданские идеалы идентичности и создание новой политической идентичности [Колосов, Заяц 2001: 89].

Важным отличием Приднестровья от Словении является то, что последняя была разделена как субъект в составе Югославской федерации по национальному признаку, как и все другие югославские республики (за исключением Боснии и Герцеговины), что способствовало ее моноэтничности [Демьянович 2018: 59]. В 1991 г. численность населения Словении составила 1965986 человек, из которых более 87 % – словенцы [Демьянович 2019: 46].

Экономические предпосылки

Высокоурбанизированное индустриальное Приднестровье в рамках Молдавской ССР давало 35 % республиканского валового продукта. Основная часть промышленных предприятий Молдавской ССР была сосредоточена в Приднестровье, где работало порядка «130 производственных и научно-производственных объединений, комбинатов и предприятий, объединяющих заводы и фабрики союзного значения и принадлежавших к военно-промышленному комплексу СССР»

⁸ Национальный состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1991. 160 с.

[Бабилунга 2015: 59]. Важно отметить, что специфику деятельности многих приднестровских предприятий, которые были ориентированы на женский труд, предопределила роль женщин в противостоянии румынизации, их активность проявилась через участие в митингах, в обращениях к Народным депутатам СССР и Комитету советских женщин, подготовке резолюций [Мясникова 2012: 211–212].

В целом высокий промышленный потенциал способствовал формированию региональных экономических особенностей Приднестровья, создававших у руководителей заводов и предприятий убеждения об успешности автономности своего существования. Противостояние языковой политике должно было осуществляться в политической плоскости, в которую и вышли усилившее свое влияние Советы трудовых коллективов на заводах и предприятиях. Мобилизационные возможности руководителей заводов и предприятий были обусловлены их влиятельным положением и материальной основой, которой они располагали. Горбачевские реформы не столько привели к демократизации, сколько установили новый формат взаимоотношений между государством и предприятиями, предоставив последним большую автономию, что повлияло на дисбаланс во взаимных отношениях между руководством и рабочими. Предоставленный директорам контроль над капиталом предприятия создал у рабочих различные виды зависимости от принимаемых руководителями решений. Выделяются три фактора, позволивших директорам заводов и предприятий мобилизовать рабочих в политических целях:

- строгие иерархии, которые давали всю власть руководству и препятствовали автономному представительству интересов рабочих;
- зависимость уровня жизни промышленных рабочих от отчислений, производимых их предприятиями;
- система подбора кадров советской элиты, которая предоставляла директорам должности в местных органах власти.

Примечательно, что директора заводов в долине Днестра уже были полноценными политиками, когда разразился конфликт в Молдавской ССР. Советы трудовых коллективов на предприятиях

выступали опорой для директоров в политическом противостоянии языковой политике [Zofka 2016: 831–834]. Также директора заводов в Тирасполе и Рыбнице, которые стали основными лидерами движения против румынизации, не были коренными жителями Приднестровья: директор завода «Электромаш» И. Н. Смирнов прибыл в Молдову в ноябре 1987 г., а директор Молдавского металлургического завода в Рыбнице А. Беличенко – в 1985 г.⁹

Массовая поддержка рабочими своих директоров была связана и с внутренними проблемами в Приднестровском регионе, где длительный период времени не реализовывались социально значимые инфраструктурные проекты. Самый прибыльный регион Молдавской ССР получал меньше всего преференций, которые в большинстве своем были сконцентрированы в Кишиневе. Еще в 1970–1980-е гг. в районах Приднестровья существенно сократилось строительство необходимых растущему населению социально значимых объектов (детские сады, школы, больницы, жилье, учреждения культуры и др.). Например, в период 1975–1985 гг. в Тирасполе была построена одна школа при увеличившемся количестве детей школьного возраста на 4076 человек; за этот же период из более чем 1500 жителей, стоявших в очереди за жильем, квартиры получили только 30 работников народного просвещения; зафиксирована недостаточность финансирования в области культуры и здравоохранения [Бабилунга 2015: 60]. Одновременно показатели уровня жизни всего молдавского населения во второй половине 1980-х гг. оставались низкими: «Это касается и образования, и здравоохранения, и уровня оплаты труда, и обеспечения жильем и соответствующими условиями труда» [Букина 2013: 69]. Сложившаяся ситуация лишь закрепляла позиции директоров заводов и предприятий, снижая доверие к не оправдавшей себя кишиневской власти.

Т. И. Заславская и Р. З. Рывкина отмечали, что к началу перестройки одной из детерминирующих стала общая для всего советского пространства проблема дефицита экономической культуры населения: «В новых условиях повторилась ситуация 1917 г.: в стране наметилась ломка устаревших экономических отношений, а слой культурных

⁹ Молдова: региональные напряженные отношения в Приднестровье. Доклад № 157 МГПК Европа. Кишинев / Брюссель: ICG, 17.06.2004. URL: <https://www.crisisgroup.org/sites/default/files/157-moldova-regional-tensions-over-transdnestria-russian.pdf> (дата обращения: 12.01.2025).

предпосылок для этого очень тонок» [Заславская, Рывкина 1991: 217]. При сохраняющейся плановой системе предприятия, наделенные правами самоуправления, использовали их для личного обогащения, не учитывая запросы республики. В рамках самофинансирования молдавские предприятия были ориентированы на получение дохода за счет повышения цен, пренебрегая качеством и эффективностью работы, что неблагоприятно отразилось как на запросах потребителей, так и на самой структуре ведения деятельности предприятий [Букина 2013: 69].

Стоит обратить внимание на то, что индустриализация слабой экономики Молдавской ССР осуществлялась благодаря поддержке Союзного центра, а Словения вошла в состав Югославии уже с имеющимся экономическим преимуществом, что и стало основой дисбаланса между югославскими республиками. Ю. В. Шахин отмечает проявление экономического республиканизма в Словении уже в период 1947–1950 гг., на который приходится введение административно-командной системы в Югославии. Словенский республиканизм в отмеченный период носил волнообразный характер. Интенсивность проявления снизилась после принятия первого пятилетнего плана и положительных результатов индустриализации (рост инвестиций, увеличение объемов капиталовложений). Экономическая удовлетворенность центра и республик сдерживала намечавшиеся центробежные силы. На фоне ухудшения социально-экономического положения дополнительным инструментом воздействия на республиканские настроения Словении стало усиление «регламентации, отчетности и контроля за действиями нижестоящей бюрократии» [Шахин 2020: 32–40]. Югославские реформы 1950–1953 гг. имели своей целью аналогично горбачевским – обеспечить демократизацию и вовлечение в управление низов. Югославские экономические реформы продолжались и в 1960-х гг., однако и расширившиеся в 1965 г. «не совсем удалось, продемонстрировав зависимость успеха при решении хозяйственных проблем от процесса децентрализации и роста самостоятельности республик» [Габрич, Чепич 2001: 67]. Реформы отрицательно отразились на экономическом развитии Словении. Максимальных регрессных показателей словенские предприятия достигли в 1970–1971 гг. [Там же].

В Словении «одним из результатов реформы стало укрепление реальной власти дирекции

на предприятиях (т. е. усиление технократии и бюрократизма), сведение к минимумуправленческих функций рабочих советов, возникновение реальной опасности превращения самоуправления в фикцию, в нереализованную возможность» [Гуськова 2011: 708]. К концу 1970-х гг. экономико-финансовое положение Югославии ухудшилось. Причиной выступили как внешние долги из-за взятых слаборазвитыми республиками иностранных кредитов, так и внутренние проблемы (рост инфляции и безработицы, рост запасов нереализованной продукции и т. д.). К концу 1985 г., достигая критического уровня, продолжали расти внешний долг, безработица и инфляция [Никифоров 2011: 744]. Экономический кризис, в котором оказалась Югославия, радикализировал республиканскую этнократию, развивавшую идею национальной экономики, когда каждая республика все необходимое для себя производила сама. Дополнительным дестабилизирующим фактором в межреспубликанских отношениях стал беспрерывно растущий внешний долг, возникший преимущественно из-за чрезмерных кредитных обязательств, которыми себя обременили наименее развитые югославские республики, не способные их выплатить [Габрич, Чепич 2001: 70].

Как следствие, экономический кризис трансформировался «в кризис функционирования всего югославского государства, порождал другие кризисы, в том числе и в области национальных отношений» [Никифоров 2011: 756]. Десятилетиями развивавшийся во всех югославских республиках национализм достиг своего беспрецедентного уровня во второй половине 1980-х гг.

Реформы в Югославии, направленные на укрепление власти дирекции, постепенно внедрялись и трансформировались с 1950-х гг., в то время как для Молдавской ССР, и всего СССР, стали внедряться во второй половине 1980-х гг. Экономические реформы, которые происходили в Югославии в 1950–1953 гг. [Шахин 2020: 51], как и Горбачевские реформы второй половины 1980-х гг., выступили предпосылкой для будущей радикальной социально-политической мобилизации масс, ориентированных на автономию из-за регионального экономического дисбаланса на фоне общесоюзного экономического кризиса. Горбачевские и югославские реформы дали не тот результат, на который были направлены, а именно на демократизацию и развитие рыночной экономики.

Политико-идеологические предпосылки

Политико-идеологические предпосылки социально-политической мобилизации населения предлагается рассматривать как комплекс правовых и элитарных (партийная номенклатура и интеллигенция) аспектов.

Правовой аспект

В ССР роль трудовых коллективов на предприятиях возросла с принятием в 1983 г. закона «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями», направленного на развитие демократии посредством обеспечения реального участия каждого трудящегося в управлении предприятием [Пашков, Плиев 1988: 36]. Закон расширял сферу общественной управляемой деятельности, закрепив за трудовыми коллективами множество прав: рассмотрение и утверждение планов социального и экономического развития предприятия; встречное планирование на производстве и др. Фактически деятельность трудовых коллективов вступала в противоречие либо ограничивалась со стороны администрации и общественных организаций [Бехтерев 2013], что было обусловлено отсутствием должного механизма реализации и контроля многочисленных полномочий в самом законе о трудовых коллективах.

С целью расширить значимость и компетенции трудовых коллективов и повысить ответственность за выполнение принятых ими решений в июне 1987 г. был принят закон ССР «О государственном предприятии (объединении)», в котором в качестве основного способа замещения должностей закреплялась выборность руководителей всех звеньев на предприятии посредством голосования. Предприятиям, перешедшим на полный хозрасчет и самофинансирование, отводилась ведущая роль в определении экономической стратегии, что предполагало автономность в разработке планов экономического и социального развития. Важным нововведением стало приданье трудовым коллективам статуса специального органа самоуправления, который будет выражать интересы всех работников. Процесс, направленный на укрепление статуса и расширение полномочий трудовых коллективов, происходил одновременно с перестройкой всей политико-экономической системы ССР [Пашков, Плиев 1988: 38–43]. Расширение полномочий и автономности

Советов трудовых коллективов было направлено на совершенствование производства посредством учета мнения рабочих, но фактически способствовало укреплению позиций руководства экономически независимых предприятий, теперь избираемого снизу, а не назначаемого сверху.

Законопроект о языках стал самым дестабилизирующим правовым актом в Молдавской ССР. Чарльз Кинг обращает внимание на неточность закона о языке, порождавшую неопределенность в вопросе – останется ли русский языком общения между народами на территории Молдовы после выхода из ССР. Помимо того что закон не представлял реальных гарантий русскоязычному населению, он также вводил общеобязательное тестирование на знание молдавского языка до 1996 г. [King 1994: 358]. О неоднозначности языковой политики было отмечено на внеочередной XII сессии Тираспольского городского Совета народных депутатов: «Принципиальные ошибки в разработке концепции законов о языках привели к тому, что функция русского языка, как языка межнационального общения на территории республики, сформулирована недостаточно четко, статус его носителей во многом зависит от подзаконных актов, которые будут приняты в будущем»¹⁰. Согласно переписи 1989 г., лишь 11 % немолдавского населения владели молдавским языком, что вызывало дополнительную обеспокоенность русскоязычного населения в отношении реализуемой радикальной языковой политики [Solonari 2023: 495]. Важно отметить, что опубликованные в марте 1989 г. законопроекты о языках вызвали массовую критику и в течение апреля были обсуждены в 90 трудовых коллективах Приднестровья, впоследствии организовавших волну митингов и ряд забастовок [Бомешко 2010: 68].

В социалистической Словении победу федерализма относят к концу 1960-х гг., когда на законодательном уровне за республиками было закреплено больше полномочий, что соответствовало словенским представлениям об истинном федерализме и одновременно противоречило центристским устремлениям Сербии. Таким образом, удалось в очередной раз временно, как и в рамках экономических реформ, копировать рост открытого противостояния между Словенией и центром. Вместе с тем в Югославии, несмотря на установленное

¹⁰ Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника. Т. 1. С. 86.

Ерицян И. Н.

Объединенный Совет трудовых коллективов



на законодательном уровне федеративное устройство, интересы республик фактически не учитывались. Права республик Югославского государства ограничивались в вопросах полномочий республиканских органов, а также ставя в приоритет союзную Конституцию республиканским. Основной закон Югославии намеренно ограничивал права республик, что создавало почву для будущих конфликтов: «Югославское государство, созданное на федеративных началах, открыто взяло курс на централизм» [Габрич, Чепич 2001: 63]. В то же время завершились конституционные реформы, по итогам которых в 1974 г. была принята последняя Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия. Основной закон существенно расширял права республик в решении экономических и кадровых вопросов [Никифоров 2011: 736]. И именно последняя югославская Конституция закрепляла за республиками право выхода из Югославии.

В рамках правовых аспектов, помимо различных законодательных инициатив, необходимо обратить внимание на различный правовой статус сравниваемых регионов, поскольку он предопределял уровни, на которых происходила конфронтация. Приднестровье в отличие от Словении не имело статуса республики с правом выхода. В связи с этим в Югославии конфронтация происходила на уровне словенской власти и союзной бюрократии [Шахин 2020: 33].

Цель правовой системы – обеспечение политического порядка, но принимаемые как в Молдавской ССР, так и в Югославии решения имели обратный эффект. Произошел дисбаланс между правом и идеологией. Законодательные инициативы партийной номенклатуры должны были укреплять ее власть, а фактически – делегитимизировали. Как в Молдавской ССР, так и в социалистической Югославии законы формировались не с учетом существовавшей региональной идеологии, а с позиций центральной партийной номенклатуры, игнорирующей специфику регионов-доноров.

Элитарный аспект (партийная номенклатура)

Снижение уровня жизни и неопределенность будущего, к которым привели реформы М. С. Горбачева, способствовали увеличению числа недовольных по всему СССР. Экономическое положение многих ухудшилось, социальный дисбаланс стал более выраженным, что в совокупности привело «к разочарованию большинства людей как в замысле перестройки,

так и в ее фактических результатах» [Заславская 1991: 12]. Как отмечает профессор В. М. Зубок: «идея отделения от Советского Союза сначала была воображаемой, а затем начала казаться неизбежной» [Zubok 2021: 21].

В Молдавии в 1988 г. ЦК КП Молдавии принято решение о «политических реформах вместе с экономическим реформированием», но «перестройка – через конкретные дела» – не привела к ожидаемым результатам, что способствовало падению доверия к ЦК КП Молдавии [Цвятков 2012: 130]. В Молдавской ССР, согласно отчету КП Молдавии, в 1989 г. зафиксированы высокие показатели текучести кадров на промышленных предприятиях и низкий уровень дисциплины среди работающих [Harrington 2023: 535].

Ослабление доверия к Коммунистической партии Молдавии также было обусловлено нелинейной политикой в отношении языкового вопроса, который для Приднестровского региона имел фундаментальное значение. КП Молдавии изначально придерживалась позиции необходимости сохранения равного статуса как для молдавского, так и для русского языков. Но, как отмечает Ч. Кинг, неформальным объединением удалось оказать давление на первого секретаря ЦК КП Молдавии С. К. Гроссу и курировать его попытки отстаивания идей двуязычия. На снижение авторитета КП Молдавии повлиял и коррупционный скандал, связанный со вторым секретарем КП Молдавии в январе 1989 г. Мартовские события ослабили партийные позиции, когда на Съезде народных депутатов в результате выборов неформальные молдавские движения сумели получить места в Верховном Совете, который, постепенно сменяя КП Молдавии, взял на себя руководящие функции. И именно Верховный Совет дал задание по разработке проекта о молдавском языке [Кинг 2009: 11]. Как отмечает В. Стати, Коммунистическая партия, «вчера руководящая сила», капитулировала перед НФМ [Стати 2002]. На фоне несистемности, проявленной со стороны первого секретаря [Casu 2021], М. И. Снегуре удалось продвинуть курс «возрождения молдавско-румынской национальной культуры» и дискредитировать партийную власть [Дубнов 2024: 310].

С позиции Ч. Кинга, именно «борьба с русификацией», имевшая место во всех союзных республиках в конце 1980-х гг., в Молдавской ССР «как ни в какой другой союзной республике» способствовала дискредитации молдавского партийного аппарата [Кинг 2009: 7]. Профессор и приднестровский историк

Н. В. Бабилунга отмечал со стороны приднестровцев потерю доверия ни только к кишиневской власти, но и к местной коммунистической партноменклатуре, чье управление определялось как неэффективное [Гросул и др. 2021: 116]. Де-факто власть находилась в руках Советов трудовых коллективов, созданных на заводах и предприятиях, что привело к увеличению политической активности приднестровского населения, которой местные власти не препятствовали [Harrington 2023: 518].

В Югославии начало 1960-х гг. характеризуется как время роста противостояний двух тенденций: сербской централизации и словенской децентрализации, чему способствовал не только экономический застой, но и недовольство работой партийной номенклатуры. «Лидер македонских коммунистов К. Црвенковски вспоминал, что в 1962 г. они критиковали работу ЦК, так как его Исполком не собирался уже 38 месяцев, а многие вопросы решали "тройки" или "двойки", состоявшие из приближенных к И. Б. Тито людей» [Гуськова 2011: 701]. В 1970-х гг. активная политика децентрализации с позиции югославской власти представлялась единственной верной и способной остановить межнациональные противоречия. В то же время, с одной стороны, происходило подавление инакомыслия в отношении целостности Югославии, что усиливало роль партии, с другой – уменьшалась роль государства в жизни республик посредством децентрализации [Никифоров 2011: 738–741]. С 1986 г. Союз коммунистов Сербии во главе со С. Милошевичем вел активную борьбу со Словенией, обвиняемой в антиюгославской политике, препятствующей объединению сербского народа, который нуждался в централизации. Действия Сербии еще больше активизировали словенских политиков и интеллигенцию, к которым присоединились студенты и молодежь, агитируя идеи демократизации в противовес сербской централизации [Габрич, Чепич 2001: 71].

Согласно Р. Коллинзу, роль личности в признании легитимности режима имеет важное значение [Коллинз 2000: 256], что подтверждается в рассматриваемых союзных республиках. Так, при жизни Б. Тито удавалось сдерживать эскалацию националистических идей республик, в первую очередь республики-донора Словении. Дестабилизировала социально-политическое положение во всей Югославии смерть Б. Тито – вождя революции. Управление страной было разделено между Президиумом Социалистической Федеративной

Республики Югославии и Президиумом Центрального комитета Союза коммунистов Югославии, которые не смогли добиться того уровня авторитетности, которым обладал «вождь народов и народностей Югославии» [Никифоров 2011: 744]. В случае Молдавской ССР, как и в целом СССР, Р. Коллинз отмечает, что «Колебания личной популярности Горбачева были частью динамики делигитимации советского режима... С углублением структурного кризиса и поражением Горбачева во внутриэлитном конфликте он был внезапно делегитимирован; в свою очередь, его личное падение делегитимировало весь режим» [Коллинз 2000: 256]. Таким образом, кризис социалистической системы и ослабление правящей партии на фоне происходящих противоречий имеет место как в молдавском, так и югославском кейсе, что придало импульс представителям интеллигенции.

Элитарный аспект (интеллигенция)

Формирование румынизированной молдавской интеллигенции происходило задолго до приднестровско-молдавского конфликта. Культ молдавской самобытности, направленный на уход от влияния румынофилов, развивался с 1940-х гг., и к 1950-м гг. в Молдавии сформировалась лингвистическая школа. Однако, к концу 1955 г. произошла модификация языковой политики. Приветствовались культурные и научные контакты с Румынией, поскольку в последней к власти пришли коммунисты. Румынизированная молдавская интеллигенция начала прочно укреплять свои позиции с конца 1950-х гг. «в высших учебных заведениях, учрежденных в Кишиневе, Бельцах, Тирасполе, а также в Институте молдавского языка, созданном в 1958 г. после раздела Института истории, языка и литературы молдавского филиала АН СССР» [Шорников 2007а: 305]. В 1960–1980-е гг. «Культурную модернизацию большинство интеллигентов-молдаван представляло себе как восприятие румынских культурных форм» [Там же: 306]. В то же время, несмотря на такие румынисткие тенденции, националистические идеи массово не проявлялись, нося лишь локальный характер, который оперативно пресекался Союзным центром [Rotaru 2023: 63].

Крах горбачевских реформ и массовое снижение доверия к ЦК КП Молдавии благоприятствовали расширению влияния неформальных организаций националистического толка. В октябре 1987 г. на пленуме Союза писателей Молдавии обсуждались

Ерицян И. Н.

Объединенный Совет трудовых коллективов



вопросы вытеснения молдавского языка и необходимости перехода к латинскому алфавиту [Цвятков 2012: 131]. Русификация определялась как насилиственная и способствующая забвению родного языка и национальных традиций [Шорников 2007б: 37]. Лингвизм стал основой концепции, пропагандируемой молдавской интеллигенцией, унионистски настроенной в отношении Румынии. Молдавская интеллигенция в лице писателей, журналистов, преподавателей вузов и артистов пропагандировала идею единства молдавской и румынской наций [Харитонова 2008: 187]. В марте 1988 г. на Всесоюзном съезде писателей в Москве были озвучены идеи о придании государственного статуса языкам титульных наций во всех республиках СССР, что стало для прорумынской молдавской интеллигенции дополнительным обоснованием необходимости закрепления за молдавским языком более привилегированного статуса [Малышев 2013: 109].

13 марта 1989 г. впервые вышла газета *Glasul* – это первая газета на латинской графике, изданная в Молдавской ССР [Musteață 2023: 114]. В апреле 1988 г. в свет вышел очередной номер литературно-художественного и общественно-политического журнала Союза писателей Молдавии «Нистру», в котором описывались угнетенное состояние родного молдавского языка и необходимость изменения такого положения. Культивация «языковой проблемы» и радикализация ее форм находили свое отражение и в еженедельнике газеты Союза писателей «Литература ши арта» («Литература и искусство»).

Идеи о реформе языка поддерживались различными слоями молдавского населения, мобилизовав возникновение неформальных объединений, которые впоследствии организовывали митинги и демонстрации с языковой повесткой осенью 1988 г. [Гросул 1999: 26]. И если в Молдавской ССР мы видим это со стороны румынизированной молдавской интеллигенции, что наиболее ярко проявилось в 1988 г., то в Словении уже в 1960-е гг. на страницах литературно-критического журнала *Perspektive* «открыто звучала критика социалистической идеологии и этики, призывы к идейному и эстетическому плюрализму» [Старикова 2023: 253]. Приднестровская газета «Днестровская правда», зарегистрированная еще в 1941 г.¹¹, и газеты

«Бастующий Тирасполь», «Известия рабочего комитета г. Бендера», «Хроника забастовки г. Рыбницы» в период забастовок 1989 г. активно пропагандировали идеи закрепления за русским языком статуса второго государственного для обеспечения равных прав всем национальностям, проживающим в Молдавской ССР [Распопова 2011: 105]. Стоит также отметить, что газеты местных органов власти издавались только на русском языке; из 48 детских садов в Бендерах только 2 использовали молдавский язык как основной язык обучения; из всех школьных учреждений в Бендерах было всего три с преподаванием на молдавском языке [Harrington 2023: 541].

Практика активного использования средств печати с целью воздействия на общественно-политическое сознание людей представляет особый интерес. Стоит отметить, что активность СМИ в социалистических республиках была обусловлена реформами, направленными на снятие цензуры. Именно через СМИ осуществлялась агитация ценностей, тем самым способствуя формированию коллективной идентичности. Фактически можно утверждать о децентрализации медиапространства, поскольку альтернативные СМИ ослабляли государственную монополию на распространение «правильной» информации. Одновременно СМИ, обладая одинаковым функционалом, распространяли разные идеи в Приднестровье (против румынизации) и Словении (против югославизации). Содержательное сходство заключалось в акценте на экономическую эксплуатацию, поскольку оба региона выступали донорами. Далее мы можем отметить существенные идеологические расхождения. Для Приднестровского региона ключевыми выступали темы по сохранению русского языка (для русских, украинцев и молдаван) и советской идентичности. Словенские же СМИ строили нарратив вокруг национальной самобытности и угрозе ее утраты. СМИ, являющиеся неотъемлемой составляющей социально-политической мобилизации, способствовали формированию идеологии и последующему ее распространению в регионах-донорах.

Н. И. Харитонова отмечает, что исторические и этногенетические аргументы выступали для молдавской интеллигенции как инструмент обоснования преимущественного положения не просто титульной нации, а принадлежащей к крупной европейской румынской нации.

¹¹ 80 лет газете «Днестровская правда»: история Тирасполя на страницах печатного СМИ. *Новости Приднестровья*. 23.06.2021. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/21-06-23/80-let-gazete-dnistrovskaya-pravda-istoriya-tiraspolya-na> (дата обращения: 02.03.2025).

Успешно прогрессирующая идея румынизации постепенно переходила на новый уровень, когда в соответствии с решением Бюро ЦК КП Молдавии от 5 июля 1988 г. была создана специальная Межведомственная комиссия по изучению проблем молдавского языка [Харитонова 2008: 188]. Таким образом, праворадикальная молдавская интеллигенция способствовала этнополитизации не только молдавского общества, но и его партийной номенклатуры [Степанов и др. 2014: 123].

Противостояние централизации и федерализации в Югославии происходило не только на уровне республиканской и центральнойластей, но и между словенской и сербской интеллигенциями. Наиболее обсуждаемой стала полемика 1961–1962 гг. между словенским профессором Д. Пирьевцем, который отстаивал национальную эманципацию Словении, и сербским писателем Д. Чосичем, ратовавшим за единый югославский социализм и единую социалистическую культуру. Идеи децентрализации получали свое распространение в трудах словенской интеллигенции (писатели, социологи, политологи, юристы): «В статьях Словения представлялась как демократическое многопартийное государство суверенного словенского народа, поскольку именно таковой она входила в состав Югославии....коммунисты, находящиеся у власти, были не способны удовлетворить эти требования» [Габрич, Чепич 2001: 72].

Политические предпосылки

Впервые до официального учреждения будущие представители НФМ стали собираться с января 1988 г. в центре Кишинева. Первое собрание прошло 15 января и сыграло решающую роль в продвижении демократических идей и национального возрождения [Musteață 2023: 112]. К апрелю этого же года уже в 19 городах Молдавской ССР сформировались сообщества будущего НФМ [Войт 2023: 77]. Из числа молдавской либеральной интеллигенции был создан Народный Фронт Молдовы, учредительный съезд которого прошел в мае 1989 г. Стремительное падение авторитета Коммунистической партии Молдавии на фоне продвигаемых антисоциалистических идей, поддерживаемых организацией национально-радикального толка НФМ, предоставило последнему возможность стать ведущей политической силой в Молдавии [Кушаков, Галинский 2018: 49]. НФМ, поддерживая перестроечные проекты, был нацелен на получение более широких полномочий для Молдавии, что, как представлялось НФМ,

возможно только при децентрализации управления и ослабления влияния Союзного центра. Совместно с румынскими депутатами представители НФМ создали Национальный совет, в рамках которого обсуждались идеи восстановления Румынии в границах декабря 1918 г. [Ульянова 2017: 99–100]. НФМ популяризовал идеи о двух румынских государствах и необходимости провозглашения Молдавии как Румынской Республики Молдовы. Сторонники НФМ поддерживали идеи «приоритета интересов основной нации» и вместе с прорумынской интеллигенцией участвовали в разработке и продвижении законопроектов о языках [Вергуз 2022: 744].

Инициатива закрепления за молдавским языком статуса единственного государственного языка исходила от Союза писателей Молдавии, от имени которых 16 февраля 1989 г. был опубликован законопроект «О функционировании языков на территории Молдавской ССР». НФМ также принимал активное участие в разработке и продвижении законопроектов о языке. И уже 30 марта 1989 г. был обнародован подготовленный рабочей группой Верховного Совета Молдавской ССР законопроект «О государственном языке», в котором молдавский язык провозглашался единственным государственным [Малышев 2013: 109].

Вынесенные для всенародного обсуждения 30 марта 1989 г. Президиумом Верховного Совета Молдавской ССР законопроекты о языке получили ответную реакцию со стороны политизированного Совета трудовых коллективов. Основным требованием стало признание за русским языком, наравне с молдавским, статуса государственно. В течение апреля 1989 г. 90 тираспольских трудовых коллективов обсуждали содержание законопроектов, и «8 мая на митинге по случаю открытия мемориала жертвам оккупации впервые публично прозвучал протест тираспольчан против языковой дискриминации» [Войт 2023: 78]. Ряд митингов против угрозы национализма прошли в мае. Со стороны же тираспольских депутатов Президиуму Верховного Совета Молдавской ССР было выдвинуто в качестве альтернативы содержанию законопроектов предложение о придании русскому и молдавскому языкам статуса государственных посредством продления сроков обсуждения законопроекта до проведения пленума ЦК КПСС по межнациональным отношениям. Однако предложение было отклонено [Там же].

11 августа 1989 г. – день создания Объединенного Совета трудовых коллективов. В этот день

Ерицян И. Н.

Объединенный Совет трудовых коллективов



на учредительной конференции ОСТК, где присутствовали представители от 31 предприятия, был избран его первый состав¹². С этого дня начинается период наиболее активного противостояния ОСТК политики насилийственной румынизации, следствием которого стало провозглашение 2 сентября 1990 г. Приднестровской Молдавской Республики, де-факто существование которой продолжается уже 35 лет. Для обеспечения институционального функционирования Приднестровской Молдавской Республики как независимого государства представители ОСТК заняли должности в институтах власти, провозгласившей независимость республики. Необходимо отметить, что альтернативы как таковой и не было. Кто как ни члены ОСТК, борющиеся за права населения региона, могли бы лучше обеспечить функционирование региона? Именно так и считало население приднестровского региона, легитимизовавшего власть ОСТК. Первым президентом Приднестровской Молдавской Республики стал директор завода «Электромаш» И. Н. Смирнов. Но насколько успешно происходила институционализация де-факто государства при несменяемом на протяжении 20 лет И. Н. Смирнове и последующих лидерах республики? Насколько успешно выполняют свои обязательства парламент и правительство Приднестровской Молдавской Республики? Насколько развита партийная система? Эти вопросы, связанные с институционализацией де-факто Республики Приднестровье, требуют отдельных научных изысканий, которые внесут свой вклад в понимание функционирования непризнанных республик. Приднестровский кейс по-своему уникален, вместе с тем история постсоветского пространства конца 1980-х гг. наполнена рядом примеров подъема этнонациональных движений, где противостояние национал-радикальной политике привело к отделению от материнского государства, при этом в каждой из бывших советских республик сформировались свои предпосылки как по отделению, так и по мобилизации масс вокруг идеи противостояния [Мединец 2019: 224].

Массовая социально-политическая мобилизация словенской общественности произошла в июле 1988 г. из-за «суда против четырех». Судебный процесс инициировали военные в отношении трех словенских журналистов, которым младший офицер

Югославской народной армии передал особо секретный документ с информацией о готовящихся политических мерах в отношении Словении. Негодование протестующих вызывало и то, что судебный процесс, несмотря на его проведение в столице Словении, осуществлялся на сербскохарватском языке. Протестные движения в Словении организовывала неформальная организация «Комитет по защите прав человека». Словенские оппозиционные движения, активизировавшиеся в 1988–1989 гг., впоследствии преобразовались в политические партии, объединившиеся в 1989 г. в предвыборную коалицию «Демократическая оппозиция Словении» (ДЕМОС) для достижения общей цели по противостоянию сербско-центристским устремлениям [Габрич, Чепич 2001: 72–73].

Заключение

Историко-сравнительный анализ предпосылок социально-политической мобилизации населения в республиках-донорах подтверждает выдвинутую гипотезу, также выявлены особенности для каждого из рассмотренных кейсов. Так, в социалистической Словении социально-политическая мобилизация носила затяжной характер (с 1950-х гг.), а консолидирующей идеей выступало желание обеспечить национальную эманципацию в рамках федерации. Для Приднестровья сплачивание населения происходило не вокруг национальных идей, что было невозможно в силу отсутствия нации, преобладающей по своей численности, а вокруг гражданско-идеологических ценностей. ОСТК, выступая против националистической кишиневской власти, придерживался советской идеологии. Лидеры ОСТК были членами КПСС либо разделяли социалистические взгляды. Тем самым мы можем наблюдать определенную дилемму, когда партийная номенклатура теряет свой авторитет, и вместе с тем именно партийные активисты способствовали как созданию самого ОСТК, так и последующему отделению Приднестровья от Молдавской ССР. Также стоит обратить внимание на то, что в случае с Молдавской ССР партийная номенклатура была смешена НФМ, а в Словении она трансформировалась в национально ориентированную политическую силу. Таким образом, социально-политическая мобилизация Приднестровья происходила против национализма

¹² Из истории создания ОСТК. 11.02.2022. URL: <https://ostk-pmr.ru/2022/02/11/из-истории-создания-остк/> (дата обращения: 13.01.2025).

с ориентацией на сохранение социализма, а Словения выступала против социализма, продвигая национальный сепаратизм. Возникает вопрос, почему в Словении при наличии того же комплекса предпосылок, что и в Приднестровье, еще в 1950–1960-е гг. не произошла массовая социально-политическая мобилизация словенцев, которые впоследствии отдалились от Югославии? Первостепенной, но не единственной причиной видится сам статус Словении в составе Югославии, которая являлась федеративной республикой. И представительность Словении в структурах власти была более расширенной, чем у Приднестровья, которое не имело статуса республики. Преференции от статуса федеративной республики и спорадическое удовлетворение требований, выдвигаемых словенской партийной номенклатурой в экономических вопросах, способствовали «растяжению» процесса социально-политической мобилизации Словении. В свою очередь, молдавские реформы были форсированы и бескомпромиссны.

Р. Коллинз в одной из работ обращает внимание на то, что смена власти действительно возможна при непродолжительной по времени массовой мобилизации, «создавая тем самым иллюзию, что спонтанная народная воля вызывает макрополитическое

изменение, и маскируя те структурные сдвиги, которые действительно делают возможным это изменение» [Коллинз 2000: 249]. Члены ОСТК провозгласили независимость Приднестровской Молдавской Республики, а словенские реформаторы – выход из состава Югославии, но те самые предшествующие структурные сдвиги мы видим существенно задолго до провозглашения независимости двух республик. Исследование с применением историко-сравнительного анализа, посвященное выявлению предпосылок (структурных сдвигов) мобилизации масс и их консолидации в рамках социально-политических объединений против центральной власти, позволяет понять, какие формы радикальной политики союзного центра неизбежно приводят к эскалации конфликта между центральной властью и донорскими республиками.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бабилунга Н. В. Приднестровье: шаги истории. Тирасполь: МИД ПМР, 2015. 72 с. [Babilunga N. V. *Transnistria: Steps of history*. Tiraspol, MFA PMR, 2015, 72. (In Russ.)]
- Бехтерев С. Л. Трудовые колlettivы в системе советского хозяйствования: историко-правовой аспект. *Социум и власть*. 2013. № 4. С. 79–83. [Bekhterev S. L. Labor collectives in the system of Soviet economy: Historical and law aspect. *Sotsium i vlast*, 2013, (4): 79–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rkakhz>
- Бомешко Б. Г. Создание, становление и защита Приднестровской государственности. 1990–1992 гг. Бендеры: Полиграфист, 2010. 520 с. [Bomeshko B. G. *Creation, formation, and protection of the Transnistrian statehood. 1990–1992*. Bender: Poligrafist, 2010, 520. (In Russ.)]
- Бомешко Б. Г. Сравнительный анализ национальной структуры населения МАССР и ПМР. *Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника. Т. 1. Документы государственных (советских) органов Приднестровья*, сост. и отв. ред. В. Ф. Грызлов. М.: ЦИМО ИАЭ РАН, 1997. С. 34–37. [Bomeshko B. G. Comparative analysis of the national structure of the population of the MASSR and the PMR. *Unrecognized republic. Essays. Documents. Chronicle. Vol. 1. Documents of state (Soviet) bodies of Transnistria*, comp. and ed. Gryzlov V. F. Moscow: CSIR IEA RAS, 1997, 34–37. (In Russ.)]
- Букина Т. В. Социокультурные изменения в Молдавской ССР в 1985–1987 гг. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2013. № 1. С. 66–70. [Bukina T. V. Sociocultural changes in the Moldavian SSR in 1985–1987. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2013, (1): 66–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxumnl>
- Вергузь А. С. Исторические причины возникновения и развития приднестровского конфликта. *Московский экономический журнал*. 2022. Т. 7. № 12. С. 738–752. [Verguz A. S. Historical causes of the emergence and development of the Transdniestrian conflict. *Moscow Economic Journal*, 2022, 7(12): 738–752. (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_12_752

Ерицян И. Н.

Объединенный Совет трудовых коллективов



- Войт И. А. Исторические и политические предпосылки воссоздания Приднестровской государственности. *Вестник Брянского государственного университета*. 2023. № 4. С. 75–83. [Voit I. A. Historical and political preconditions for the restoration of the Pridnestrovian statehood. *The Bryansk State Herald*, 2023, (4): 75–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cflrxz>
- Габрич А., Чепич З. Очерк развития словенской государственности (1941–1991). *Словения. Путь к самостоятельности: документы*, отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2001. С. 55–78. [Gabrič A., Čepič Z. Development of the Slovenian State Idea in 1941–1991. *Slovenia. The Path to Independence: Documents*, ed. Guskova E. Yu. Moscow: Indrik, 2001, 55–78. (In Russ.)]
- Гросул В. Я. Русофилы и русофобы в истории Молдавии. *Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника. Т. 3. Документы общественно-политических объединений Приднестровья*, автор-сост. В. Ф. Грызлов, ред. М. Н. Губогло. М.: ЦИМО, 1999. С. 13–30. [Grosul V. Ya. Russophiles and Russophobes in the History of Moldova. *Unrecognized Republic. Essays. Documents. Chronicle. Vol. 3. Documents of Socio-Political Associations of Transnistria*, comp. Gryzlov V. F., ed. Guboglo M. N. Moscow: CSIR, 1999, 13–30. (In Russ.)]
- Гросул В. Я., Благодатских И. М., Бомешко Б. Г., Грек И. Ф., Руссев Н. Д., Поливцев В. Н., Суляк С. Г., Стати В. Н., Содоль В. А., Фидельский С. А., Шорников И. П., Шорников П. М. Признанный историк непризнанного государства. *Аналитический бюллетень Института социально-политических исследований и регионального развития*. 2021. № 1-2. С. 115–118. [Grosul V. Ya., Blagodatskikh I. M., Bomeshko B. G., Grek I. F., Russev N. D., Polivtsev V. N., Sulyak S. G., Stati V. N., Sodol V. A., Fidelski S. A., Shornikov I. P., Shornikov P. M. Recognized historian of the unrecognized state. *Analiticheskii biulleten Instituta sotsialno-politicheskikh issledovanii i regionalnogo razvitiia*, 2021, (1-2): 115–118. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lqkeqe>
- Гуськова Е. Ю. Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций. In: Никифоров К. В., Шемякин А. Л., Хлебникова В. Б. и др. *Югославия в XX веке: Очерки политической истории*. М.: Индрик, 2011. С. 701–734. [Guskova E. Yu. Yugoslav Federation in the 1960s. The struggle of two tendencies. In: Nikiforov K. V., Shemyakin A. L., Khlebnikova V. B., et al. *Yugoslavia in the 20th century: Essays on political history*. Moscow: Indrik, 2011, 701–734. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xgmoqn>
- Демьянович Ю. Э. Внутренние и внешние предпосылки выхода Словении из состава Социалистической Федеративной Республики Югославия. *Журнал международного права и международных отношений*. 2019. № 1-2. С. 44–51. [Dzemyanovich Yu. E. Internal and external prerequisites for the withdrawal of Slovenia from the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. *Journal of International Law and International Relations*, 2019, (1-2): 44–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xdehie>
- Демьянович Ю. Э. Этнорелигиозные противоречия в Югославии: исторический и современный контекст. *Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития*, сост. и науч. ред. Е. А. Достанко. Минск: БГУ, 2018. Вып. 6. С. 55–71. [Dzemyanovich Yu. E. Ethno-religious contradictions in Yugoslavia: Historical and modern context. *Relevant issues of international relations and global development*, comp. end ed. Dostanko E. A. Minsk: BSU, 2018, iss. 6, 55–71. (In Russ.)]
- Дубнов А. Ю. Почему распался СССР. Вспоминают руководители союзных республик. М.: Индивидуум, 2024. 336 с. [Dubnov A. Yu. *Why the USSR collapsed. The leaders of the union republics remember*. Moscow: Individuum, 2024, 336. (In Russ.)]
- Заславская Т. И. Социализм, перестройка и общественное мнение. *Социологические исследования*. 1991. № 8. С. 3–21. [Zaslavskaya T. I. Socialism, perestroika, and public opinion. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 1991, (8): 3–21. (In Russ.)]
- Заславская Т. И., Рывкина Р. З. Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 448 с. [Zaslavskaya T. I., Ryvkin R. Z. *Sociology of economic life: Essays on theory*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1991, 448. (In Russ.)]
- Кинг Ч. Языковая политика в Молдавской Советской Социалистической Республике. *Научные тетради Института восточной Европы. Вып. 2. Молдавия*, ред. А. Л. Погорельский. М.: Территория будущего, 2009. С. 6–25. [King C. Language Policy in the Moldavian Soviet Socialist Republic. *Scientific Notebooks of the Institute of Eastern Europe. Iss. 2. Moldova*, ed. Pogorelskiy A. L. Moscow: Territorriia budushchego, 2009, 6–25. (In Russ.)]
- Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса. *Время мира*. 2000. № 1. С. 234–278. [Collins R. Prediction in macrosociology: The case of the Soviet collapse. *Vremia mira*, 2000, (1): 234–278. (In Russ.)]

- Колосов В. А., Заяц Д. В. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта. *Вестник Евразии*. 2001. № 1. С. 88–122. [Kolosov V. A., Zayats D. V. Moldova and Transnistria: National construction, territorial identities, prospects for conflict resolution. *Vestnik Evrazii*, 2001, (1): 88–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hyywlb>
- Кривенко А. В., Фоменко В. Г. Этнический состав населения Приднестровья. *Этнические общины и диаспоры во времени и пространстве*: конф. (29–30 июня 2017 г.) Бухарест, 2019. С. 79–82. [Krivenko A. V., Fomenko V. G. Ethnic composition of the population of Transnistria. *Ethnic communities and diasporas in time and space*: Proc. Conf., 29–30 Jun 2017. Bucharest, 2019, 79–82. (In Russ.)]
- Кушаков М. Н., Галинский Я. О. Образование и этапы развития государственности Приднестровской Молдавской Республики. *Журнал исторических, политологических и международных исследований*. 2018. № 1. С. 48–55. [Kushakov M. N., Galinskiy Ya. O. Formation and stages of development of statehood of the Pridnestrovian Moldavian Republic. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovanii*, 2018, (1): 48–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/usbbkl>
- Малышев Д. В. Приднестровский конфликт: траектория развития. *Вестн. Моск. ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2013. № 1. С. 106–126. [Malyshev D. V. The Transnistrian conflict: Trajectory of development. *Lomonosov World Politics Journal*, 2013, (1): 106–126. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qaihad>
- Мединец М. Я. Формирование политических институтов де-факто государств Восточной Европы: общее и особынное. *Исследования зарубежной истории. Мемориал имени С. Б. Семёнова*: конф. (Самара, 15 мая 2019 г.) Самара: Самарский филиал МГПИ, 2019. С. 222–231. [Medinets M. Ya. Formation of the political institutions of the Eastern European de facto states: General and special features. *Studies of foreign history. S. B. Semenov Memorial*: Proc. Conf., Samara, 15 May 2019. Samara: Samara branch of MSPI, 2019, 222–231. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zmkdav>
- Мясникова Н. В. Участие женщин Приднестровья в «предвоенной» стадии молдаво-приднестровского конфликта (1989–1991 гг.). *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2012. № 4. С. 210–218. [Myasnikova N. V. Transnistria women's participation in "prewar" stage of the Trans-Moldavian conflict (1989–1991). *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriiia. Filologiiia. Kulturologiia. Vostokovedenie*, 2012, (4): 210–218. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxlcjz>
- Никифоров К. В. «Карделевская Югославия» (1974–1990). In: Никифоров К. В., Шемякин А. Л., Хлебникова В. Б. и др. *Югославия в XX веке: очерки политической истории*. М.: Индрик, 2011. С. 735–764. [Nikiforov K. V. Kardelj's Yugoslavia (1974–1990). In: Nikiforov K. V., Shemyakin A. L., Khlebnikova V. B., et al. *Yugoslavia in the 20th century: Essays on political history*. Moscow: Indrik, 2011, 735–764. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xgmowh>
- Остапенко Л. В., Субботина И. А. Русские Молдавии: этнодемографические трансформации. *Этнографическое обозрение*. 2011. № 5. С. 91–108. [Ostapenko L. V., Subbotina I. A. The Russians of Moldova: Ethnic-demographic transformations. *Etnograficeskoe Obozrenie*, 2011, (5): 91–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ohmevl>
- Пашков А. С., Плиев И. П. Правовое положение совета трудового коллектива. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1988. № 6. С. 36–45. [Pashkov A. S., Pliev I. P. Legal status of a work collective's council. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 1988, (6): 36–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twmqhn>
- Распопова С. Л. Система средств массовой информации Приднестровья: функционирование в контексте межэтнического взаимодействия. *Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. № 1. С. 100–109. [Raspopova S. L. The system of mass media of Transnistria: Functioning in the context of interethnic interaction. *Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki*, 2011, (1): 100–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wmpvbd>
- Скворцова А. Ю., Бомешко Б. Г., Смирнова И. Г., Лисовина А. П., Богнибов Е. А., Царан Т. А., Репида Л. Е., Шорников П. М., Содоль В. А. История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Приднестровье в советский период: от geopolитического проекта МАССР к левобережному анклаву МССР. 2-е изд. испр. и доп. СПб.: Моя строка, 2021. 512 с. [Skvortsova A. Yu., Bomeshko B. G., Smirnova I. G., Lisovina A. P., Bognibov E. A., Tsaran T. A., Repida L. E., Shornikov P. M., Sodol V. A. *History of the Pridnestrovian Moldavian Republic. Vol. 2. Transnistria in the Soviet period: From the geopolitical project of the MASSR to the left bank enclave of the MSSR*. 2nd ed. St. Petersburg: Moiia stroka, 2021, 512. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/legpqh>

Ерицян И. Н.

Объединенный Совет трудовых коллективов

- Слободянюк Г. Е. Общественно-политическая деятельность ОСТК и процесс создания институтов государственности Приднестровья. *Вестник Вятского государственного университета*. 2016. № 3. С. 43–51. [Slobodyanyuk G. E. Political activity UCWC and the process of creating the institutions of statehood of Transnistria. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (3): 43–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjbayx>
- Старикова Н. Н. Поэтика и политика: журналы *Perspektive* и *Nova revija* как очаги инакомыслия. *SLOVENICA V. Республика Словения: путь к независимости*, отв. ред. Н. С. Пилько. М.: ИСЛ РАН, 2023. С. 253–268. [Starikova N. N. Poetics and politics: *Perspektive* and *Nova revija* magazines as centers of dissent. *SLOVENICA V. The Republic of Slovenia: The path to independence*, ed. Pilko N. S. Moscow: ISI RAS, 2023, 253–268. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31168/2618-8562.2023.11>
- Стати В. История Молдовы. Кишинев: Tipografia Centrală, 2002. 480 с. [Stati V. *History of Moldova*. Kishinev: Tipografia Centrală, 2002, 480. (In Russ.)]
- Степанов В. П., Бобкова Е. М., Матвеичук Е. А. Ценностные стандарты молодежи при выборе жизненных стратегий в условиях скрытой напряженности (на примере Приднестровья). *Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2014. № 1. С. 123–129. [Stepanov V. P., Bobkova E. M., Matveychuk E. A. Value standards of young people when choosing life strategies in conditions of latent tension (on the example of Transnistria). *Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2014, (1): 123–129. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wyhnm>
- Ульянова Ю. С. «Фронты» в политическом процессе постсоветской Молдовы. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2017. № 3. С. 97–104. [Ulyanova Yu. S. "Fronts" in the political process the post-Soviet Moldova. *The Caspian region: Politics, Economics, Culture*, 2017, (3): 97–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zufktz>
- Харитонова Н. И. Приднестровье: война и перемирие (1990–1992 гг.). *Новый исторический вестник*. 2008. № 1. С. 187–197. [Kharitonova N. I. Transnistria: War and truce (1990–1992). *Novyj Istoriceskij Vestnik*, 2008, (1): 187–197. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxzchr>
- Цвятков Н. В. Советская «перестройка» глазами молдавских президентов. *Moldoscopie*. 2012. № 3. С. 129–136. [Tsvyatkov N. V. Soviet perestroika as seen by Moldovan presidents. *Moldoscopie*, 2012, (3): 129–136. (In Russ.)]
- Шахин Ю. В. Словенский республиканизм в годы расцвета административно-командной системы. *Историко-экономические исследования*. 2020. Т. 21. № 1. С. 29–53. [Shakhin Yu. V. Slovenian republicanism during the height of state-run system. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2020, 21(1): 29–53. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2020.21\(1\).29-53](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2020.21(1).29-53)
- Шорников П. М. Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2007а. 400 с. [Shornikov P. M. *Moldavian originality*. Tiraspol: Pridnestrovian University, 2007a, 400. (In Russ.)]
- Шорников П. М. Статус русского языка и гражданский конфликт в Молдавии: историография вопроса. *Rusin*. 2007б. № 3. С. 36–56. [Shornikov P. M. The status of the Russian language and the civil conflict in Moldova: Historiography. *Rusin*, 2007b, (3): 36–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/orffnf>
- Casu I. Patterns of succession: Top party elite recruitment in Soviet Moldavia and centre-periphery relations, 1940–1991. *Moscow and the non-Russian republics in the Soviet Union: Nomenklatura, intelligentsia, and centre-periphery relations*, eds. Bennich-Björkman L., Grybkauskas S. Routledge, 2021, 71–91. <https://doi.org/10.4324/9781003244608-3>
- Harrington K. Mobilising the masses: Explaining the rapid rise of worker activism in Transnistria in the late 1980s. *Comparative Southeast European Studies*, 2023, 71(4): 517–545. <https://doi.org/10.1515/soeu-2023-0021>
- King C. Moldovan identity and the politics of pan-Romanianism. *Slavic review*, 1994, 53(2): 345–368.
- Musteață S. 1989 – annus mirabilis for the Moldavian SSR. *PLURAL. History, Culture, Society*, 2023, (1): 107–126. https://doi.org/10.37710/plural.v1i1_5
- Rotaru L. Indigenizarea învățământului superior din RSS Moldovenească: Intenția regimului și "socotelile" intelectualității autohtone. *Intelectualitatea română între ideologie, libertate academică și nationalism*: Conferința națională cu participare internațională, Ediția a 2-a, Chișinău, 14–16 octombrie 2021. Chișinău, 2023, 37–95.
- Solonari V. Popular sentiments and political failures: Understanding the disintegration of the Republic of Moldova, 1989–1990. *Comparative Southeast European Studies*, 2023, 71(4): 488–516. <https://doi.org/10.1515/soeu-2023-0020>
- Zofka J. The transformation of Soviet industrial relations and the foundation of the Moldovan Dniester Republic. *Europe-Asia Studies*, 2016, 68(5): 826–846. <https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1189514>
- Zubok V. M. Collapse: The fall of the Soviet Union. Yale University Press, 2021, 535.